

Викки Латта

Я - МАГ ОГНЯ!

Академия высшей магии

Викки Латта
Я – маг огня!
Серия «Академия
высшей магии», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67779501
Я – маг огня! / Викки Латта: Авторскок; 2022

Аннотация

Есть ли у меня шанс? Не уверена. Но все равно я выложусь на полную, чтобы достичь своей цели – поступить в академию высшей магии.

Вот только одна встреча накануне вступительного экзамена изменила все. Из-за нее мой дар стал нестабилен. Из-за нее блестящий выпускник столичной академии, наследник могущественного древнего рода теперь может потерять все. Из-за нее мы оказались связаны.

Один секрет на двоих. Одна ненависть на двоих. Одни неприятности на двоих. И выбраться из последних – та еще задача. Но еще сложнее – не влюбиться в циничного и надменного аристократа, с которым нас, кажется, связывает не только магия...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	37
Глава 4	57
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Викки Латта

Я – маг огня!

Глава 1

– Свежая сдоба – хрусти, снег под сапогами – хрусти, поясница сплетницы Мейзи – хрусти, парапет под ногами – не хрусти... – приговаривала я, цепляясь за малейшие неровности каменной кладки.

Ну еще бы не цепляться, когда ползешь вдоль стены высотой на уровне пятнадцатого этажа. А в голове две мысли. И если первая из них – как бы не разбиться, то вторая о том, что одна маленькая домашняя химера – большая такая сволочь!

А Силь, оставившая окно открытым, – еще большая зараза. Именно из-за распахнутой створки питомица подруги я и умудрилась очутиться на парапете. Причем если прогуляться над бездной магическая животина вышла в образе элегантной кошечки, то на середине пути этой многоликой дуре взбрело в голову превратиться в неуклюжую собаку. И сейчас глупая тварюшка истерично перебирала лапами и скулила на одной ноте с жалобной интонацией «спаси!» в нескольких футах от меня.

Поначалу я пыталась приманить ее куском окорока из бу-

терброта и увещеваниями вернуться, но безрезультатно. Панический страх в глазах химеры свидетельствовал: многоликая паразитка так испугана, что просто ничего не соображает. И ужас, сковавший ее, не дает сделать и шагу.

Дождаться пару часов, когда приедет анимаг из службы спасения, было бессмысленно хотя бы потому, что у химеры этой пары часов не было. У нее и десяти минут могло не быть. С учетом того, как эта пушистая зараза дрожала. От такого тремора она могла грохнуться вниз в любую секунду.

Меж тем демонова химера вопила на одной ноте, и так проникновенно, что я решила рискнуть и со словами:

– Чтоб ты сдохла, Пуся, – с чувством произнесла и... полезла спасать.

Потому что эту дуру было жалко. Себя, к слову, жалко было еще больше, но я понадеялась, что парапет – крепкий и широкий, а я – худенькая. И мне все же хватит ловкости для спасательной операции. На магию, увы, полагаться не приходилось.

Дар, который проснулся во мне поздно, как сегодня на вступительном тестировании выяснилось, был слишком мал. «Почти спящий», – так емко охарактеризовал его преподаватель, определявший уровень магических способностей. Такой силы дара было недостаточно для поступления на прикладные факультеты. Но я не собиралась сдаваться. Если закрыт путь в практики, то для теоретика главное не степень развития его внутреннего источника, а знания. И завтра на

экзаменах сделаю все, чтобы показать: все школьные годы я не зря как проклятая корпела над учебниками!

Главное, сейчас не сорваться.

– У-и-и, – жалобно завывала химера, пытаясь уместить свой внушительный зад на приступочке, которая на поверку была гораздо уже, чем мне показалось из окна.

– Сейчас, малышка, сейчас... – Я уже наклонилась, чтобы ухватить Пусю за ошейник, как почувствовала, что один из камней под ногой обломился и...

Я все же выпустила химеру и схватилась за каменный край в последний момент. Многоликая тварюшка от испуга подпрыгнула, взвизгнула и обернулась. Мгновение ока, и пушистая большая собака стала упитанной крыской. Последняя тут же вцепилась в волосы у меня на голове. И вновь заверещала.

А я оказалась в подвешенном положении. За самые кончики пальцев подвешенном. Попыталась посмотреть вниз. Подо мной спешили прохожие, а чуть подальше, на мостовой, мчались, сверкая полированными боками, машины.

Суетливый шум вечно не спящего города: клаксоны, выкрики, визг шин и громкие зазывные голоса с зачарованных рекламных плакатов.

Даже если я сейчас попытаюсь позвать на помощь, меня навряд ли услышат. А если и услышат... Пока ринутся помогать, я успею десять раз разбиться. А в запасе у меня всего пара секунд. Больше я не выдержу.

Я осознала, что могу погибнуть. Вот когда лезла по парапету, как-то старалась не думать о плохом, а сейчас...

От этой мысли затылок неожиданно обожгло. Сердце бешено застучало, казалось, в самом горле. Да так сильно, что возникло ощущение: вот-вот выпрыгнет. И даже не из груди, а сразу изо рта. Уши заложило, а по рукам... Я посмотрела на собственные запястья, которые сейчас светились. И это свечение уходило под рукава кофты. Могла поспорить, что и лицо мое начало сиять...

Как же не ко времени почти спящий дар выбрал именно этот момент, чтобы пробудиться. Я слышала, что резкий скачок потенциала порой происходит у магов в минуты сильного эмоционального волнения, перед лицом опасности. В моем случае, похоже, за пару секунд до собственной смерти...

Что ж у меня все так по-идиотски-то!

Я сглотнула, пытаюсь выровнять дыхание и собраться с мыслями. «Мне. Нужно. Выжить. Сконцентрируйся, Ники!» – приказала сама себе.

Кричать не вариант. Посмотрела уже не вниз, а чуть в сторону. Направо. Налеву. Есть! Если попытаться оттолкнуться, то появится шанс упасть не на асфальт, а на небольшой балкончик, что был на два... точнее, с учетом моего положения, на полтора этажа ниже.

Спасительная мысль вселила надежду и... Сияние, что исходило от моих запястий, начало угасать. И плевать. Лучше быть живой с малым даром, чем могущественным магом, но

посмертно. И даже если больше никогда не удастся пробудить свою силу – так тому и быть.

Я раскачалась и... Хотелось бы сказать, что оттолкнулась, но по правде – позорно сорвалась и попыталась сгруппироваться. Не знаю, сильно бы это мне помогло, упави я на асфальт. Разве что для тех, кто отскребал бы мое тело с земли, кучка была бы более компактной.

Но мне повезло, и я все же удачно приземлилась, а точнее прибалконилась. При этом больно ударились спиной и, кажется, что-то себе сломала. Вот только что: кости или психику, – еще не определилась.

Когда звон в голове прекратился, а химера стала верещать на порядок тише, я рискнула открыть глаза.

– Драконья задница... – выругалась я и поморщилась. От удара болело все тело. Думаю, что лекарь в моем диагнозе написал бы «Ушиб всей Николь Роук». Но чтобы целитель это сделал, нужно сначала до него добраться. А для этого стоит хотя бы встать.

Поэтому я сначала оказалась на четвереньках, потом осторожно выпрямилась и поняла: хотя у меня болит почти везде, но не так сильно, чтобы я не могла, скажем, сделать шаг или опереться на руку. Да и в груди тянуло, но не до острой боли. Так что я робко понадеялась, что отделалась ушибами.

Химера все еще сидела у меня в волосах и, судя по тому, как она лапами вцепилась в пряди, покидать облюбованный «насест» не собиралась.

Я посмотрела на дверь балкона, прикидывая, сумею ли я разбить стекло, чтобы выбраться, или лучше дождаться хозяев. И есть ли те вообще? Или номер пуст и его еще не сдали? Но для начала решила дернуть ручку, и... Створка оказалась лишь прикрыта. Я толкнула ее и зашла в комнату.

Что ж... Одно я могла сказать точно: в номере жили. Активно так, судя по смятой постели. Благо эта самая активность сейчас была в районе душа: из ванной комнаты слышался плеск. Решив, что беспокоить хозяев – дурной тон, я на цыпочках двинулась к выходу и...

Рядом с моей щекой, обдав кожу холодам, просвистела ледяной стилет и врезался в косяк. Навершие острого шипа явно намекало, что меня обнаружили и просят слегка подзадержаться. Я медленно на каблуках обернулась и увидела злого мага. Нет, не так – **ОЧЕНЬ ЗЛОГО МАГА!** И притом почти голого. Накачанное поджарое тело прикрывали лишь небольшое полотенце на бедрах и пена на плечах.

А на ладони у него бесновался водный смерч, готовый цепным псом сорваться в мою сторону в любую секунду.

– Какого первородного? Как ты попала в мой номер? – голос говорившего звенел сталью. Но даже в таком варианте имел широкий эмоциональный, а если точнее, то матерный диапазон.

Я прищурилась и, стараясь выгадать время, спросила:

– Знакомое лицо... Я, случайно, не тебя сбила на Ист-авеню вчера? Постой, или ты тот парень из клуба... – во-

прос подбирала максимально идиотский, чтобы обескуражить противника. А стоявший передо мной им определенно был. Причем очень опасным.

Высокий, светловолосый, жилистый. Его поджарое тело явно привыкло к тренировкам и нагрузкам. Рельеф мышц на руках и груди пересекали тонкие нити застарелых ожогов. Я чувствовала в стоявшем передо мной типе бойца. Опасного. Неумолимого.

Прямой нос. Высокие острые скулы. Чуть резкий разлет темных бровей, контрастировавших с почти пепельной короткой шевелюрой – признак высших. Особенность, которая бывала лишь у потомков древних родов, что славились чистотой своей крови.

Передо мной был воин, которому везде удобно и вольготно, как у себя дома. Он везде был своим. Уверенный, сильный, опасный, настойчивый и упорный, как сама жизнь.

А еще в незнакомце было с лихвой непрошибаемого высокомерия. Последнее легко читалось во взгляде – холодном и циничном.

И даже сейчас, когда маг прищурился, его глаза смотрели так, что могли бы заморозить целое озеро. До дна.

– С воровками я не якшаюсь, – отчеканил хозяин номера, пройдясь ответным изучающим взглядом по моей фигуре, от некогда бежевых облегающих штанов и белоснежного джемпера до растрепанной льняной макушки.

– Я. Не Воровка, – бросила я и вскинула подбородок. Да

что этот тип о себе возомнил! – Я случайно упала, точнее, попала сюда. Через балкон. И уже ухожу...

Злость стала подниматься волной. Адреналин в крови после пережитого бурлил. А кончики пальцев вновь зазудели. И я почувствовала, как внутри вновь просыпается дар.

– Не так быстро. Сначала выверни карманы.

Что?! Может, не будь я на эмоциях, посчитала бы требование незнакомца нормальным, но сейчас...

Я чуть не убилась, эта демонова химера продолжала сидеть у меня на голове, дергая лапами за пряди и медленно, но верно снимая скальп, мое тело было всё одним сплошным синяком, дар, который находился в нестабильном состоянии, не придавал спокойствия и... Одним словом, я сделала то, что делает всякая нормальная, адекватная и уравновешенная девушка в критической ситуации, – психанула!

– Какого дракона ты от меня что-то хочешь?! Я полезла за этой, – ткнула пальцем себе на голову, где копошилась Пуся, а потом, сцапав тварюшку, все же с остервенением выдрала ее из косм и посадила в карман штанов, – химерой, едва не угробилась, чудом выжила, и теперь от меня еще что-то требуют. А не пошел бы ты...

И тип действительно пошел. Правда, это было куда-то в мою сторону. Миг – и он оказался близко. Очень близко. Так, что его дыхание касалось моего. И мне бы замереть, остановиться, не кричать... Но я уже банально не могла. Эмоции переполняли и...

«Влепит пощечину», – мелькнула отстраненная мысль на периферии сознания. А что – отличный способ унять истерику. Но блондин выбрал другой. Тоже действенный. Из тех, которые мужчины издавна используют, чтобы прервать с дамой неудобный разговор. Меня поцеловали.

Я почувствовала твердость сильного мужского тела, прижатого ко мне. И как намочла моя кофта от пены, что была на блондине. И как мужские губы жадно накрыли мои, чуть приоткрытые от удивления. И если поначалу поцелуй был напористый, жёсткий, то чем дольше все это продолжалось, тем касания становились все более чувственными.

Истерика отступила, и я вдруг в полной мере ощутила, как во мне пробуждается дар – словно дремавший огнемей, разворачивает свитые после спячки кольца согбенного тела.

А поцелуй незнакомца становился все откровеннее. И самое удивительное, что я отвечала откровенностью на эту откровенность. Чувствовала руки, скользящие по моему телу, горячее дыхание и в ответ звенела натянутой струной, плавилась воском, рассыпалась песком, чтобы возродиться вновь.

Я отвечала. Страстно. Дико. Горячо. Жадно. Забыв обо всем, кроме одного – своего дара, который начал активацию, когда моя жизнь висела на волоске, и продолжал раскрываться сейчас... Главное, не прерываться и...

Маг тяжело, словно борясь с собой, отстранился от меня, выдохнул и сухо произнес:

– Я закончил. Ты и вправду ничего не взяла из номера...

Пришло осознание того, что этот гад совместил полезное не только с еще одним полезным, но и приятным: прекратил истерику, обыскал меня под предлогом поцелуя и, собственно, поцеловал.

– Ты закончил. А я еще нет, – с этими словами я решительно шагнула вперед и закинула руку блондину на шею. Заставив этого типа (ну и высокий же, оказывается!) наклониться и продолжить то, на чем мы прервались.

Не сказать, чтобы он этому сильно-то сопротивлялся. Скорее наоборот. Победная ухмылка исказила его губы. Видимо, тип решил, что я так впечатлена его техникой поцелуя, что потеряла голову... Наивный.

Мы с незнакомым магом стояли посреди гостиничного номера. Через открытую балконную дверь порыв ветра принес не только звуки улицы, но и пару ярких кленовых листьев. А еще толкнул меня в бок. Да так, что я пошатнулась, еще ближе прижавшись к магу. Да, это был точно ветер. Только он. Никаких сомнений.

Наши с незнакомцем губы встретились. И этот поцелуй, в отличие от первого, имел вкус. Словно я отхлебнула горячего вина с имбирем и корицей. Поначалу губы мага были жесткими, а потом он ответил. Напористо, чувственно, жадно. И я захмелела от этих прикосновений.

Сила во мне зазвенела, а по венам вместо крови прокатился дикий огонь. Я выгнулась, застонав. Открыла глаза и увидела, что свечусь. И этот нестерпимый свет заставил не

только одну меня замереть.

Незнакомец отстранился, прервав поцелуй, и посмотрел на меня. А по ощущениям – выстрелил в упор. Его вид без слов говорил: он все прекрасно понял. Я использовала его.

Свободная мужская рука еще держала мой затылок, зарывшись пальцами в распущенные волосы.

Но что удивительнее – и по коже мага начали пробегать искры. Только, в отличие от моих, они были льдисто-синими.

– Значит, решила инициироваться за мой счет? – голос его звучал при этом как-то глухо, почти хрипло.

– Да, – не стала скрывать я и поразилась, что и мой звучит столь же надсадно. Прикусила губу, глядя в ярко-голубые глаза мага, а затем добавила: – Так что извини, меня не поразили твои страсть, напор и опыт. Это был просто деловой интерес.

– Так не поразили, что в тебе проснулась сила? – Маг скептически изогнул бровь. – Обычно для этого требуются куда более активные действия.

И пусть он даже не посмотрел в сторону постели, но она прекрасно поняла намек. Оценила. И решила отказаться. Тем более что, судя по внутренним ощущениям, инициация уже шла полным ходом и добавочных стимулов больше не требовалось.

Поэтому я положила ладонь на мужскую грудь, стараясь этим жестом отгородиться от мага. И, легко похлопав по на-

пращенным мышцам, сухо произнесла:

– Спасибо за помощь.

– Думаешь, так просто уйдешь? – прищурился он.

– А почему нет? – Я вскинула бровь.

Сияние тела медленно затухало. Но это был лишь внешний эффект. Внутри меня бушевал шторм. И лучше бы мне было убраться отсюда, пока я могла себя еще хоть как-то контролировать. Потому что чувствовала: еще немного – и сорвусь. Пробудившийся дар оказался сильным. И очень нестабильным. Мне нужно было сконцентрироваться, чтобы его подчинить, пока он не подчинил меня.

Я отняла руку от груди мага, собираясь сделать шаг назад. И в этот момент ладонь ожгло. Да так сильно, словно кожу на руке облили кипящим маслом. Я вскрикнула. Незнакомец тоже дернулся, как от удара.

А в том месте, где еще секунду назад были мои пальцы, на коже мага виднелся отпечаток моей руки.

Надеюсь, он воспринял это как намеренное использование магии, чтобы охладить его пыл, а не то, чем это было на самом деле – спонтанным всплеском моего дара.

Я украдкой посмотрела на собственную ладонь: ее покрывал иней. Сжала ее в кулак и, вскинув голову, отчеканила:

– Ты меня облапал... – я едко усмехнулась. – Прошу прощения, обыскал, я тебя использовала для инициации. Мы в расчете.

Кто бы знал, чего мне стоило сыграть роль стервы. Са-

моуверенной, холонокровной, невозмутимой. Потому что только такую девушку этот маг мог отпустить. Не сомневаюшуюся мышку, не наивную дурочку, которая встретила лорда своей мечты, не милую простушку... Таких бы он непременно попробовал удержать и инициировать до конца. В постели. Потому что почувствовал бы свою добычу.

А то, что в глубине голубых глаз уже зажегся охотничий, истинно мужской азарт, было видно.

Поэтому я резко развернулась, так что волосы ударили мага по лицу, и с идеально прямой спиной подошла к двери. Открыть ту мешал торчавший ледяной стилет, хотя сейчас уже он изрядно оплыл. Обхватила его рукой, напрягая мышцы. И на миг представила, что у меня не получится выдернуть ледышку с первого раза. Тогда придётся упираться коленкой в стену и... прощай, мой эффектный уход. Как и любой уход в принципе.

Этот полуголый тип опомнится, и уже так просто мне будет не ускользнуть...

Пальцы сначала ожгло холодом, а потом я почувствовала, как по мне струится магия и... Если коротко: ледышку я выдрала. Вместе с косяком. И, откинув сомнительную добычу в сторону, дернула дверь и перешагнула порог. А когда створка за моей спиной закрылась, я припустила во все лопатки по коридору. Роль стервы сыграна, пора было становиться спортсменкой. А конкретнее – поучаствовать в спринтерском забеге от неприятностей.

На свой этаж я буквально взлетела по лестнице. Приложила руку к пластине, которая заменяла замок, и, когда та засветилась, толкнула дверь. И лишь когда оказалась в нашей с Силь комнате, я смогла выдохнуть. Прислонилась к закрытой створке и почувствовала, как подгибаются колени.

Я съехала вниз. Сил сделать хоть шаг не было. Поэтому так и осталась сидеть у порога, чувствуя лопатками и затылком гладкую поверхность лакированного дерева.

Руки дрожали, в горле стоял ком, голова превратилась в кисель так, что я практически уже не могла связно мыслить, а тело... Его словно выворачивало наизнанку. Неужели так должно быть при экстремальной инициации?

Писк вернул меня в реальность. Химера выбралась из кармана и сидела рядом со мной. Глядела таврюшка при этом отнюдь не на свою спасительницу, а на окно, которое я оставила открытым.

Нет. Второй раз я спасительницей быть не желала! Лучше уж диктатором, поработителем и угнетателем свободы выгула по карнизу! Поэтому на четвереньках я доползла до подоконника. Вставать на ноги не было сил. К тому же я опасалась, что банально могу не устоять и упаду.

И лишь когда я трясущимися пальцами закрыла задвижку, то услышала за спиной возмущенный писк химеры. Плевать.

Это была последняя связная мысль перед тем, как я упала на кровать и провалилась в забытье. Сквозь тяжелый, вяз-

кий сон я слышала, что кто-то вроде бы стучался, но сил не было не то что открыть дверь, даже глаза. И я вновь утонула во мраке, напоминавшем скорее клейкую, тягучую и противную смолу, чем грезы.

А вот проснулась я, когда солнце уже почти скрылось за горизонтом и его последние кроваво-багряные лучи окрасили гостиничный номер в тона кошмара. Причем не абы какого, а с приторно-сладковатым оттенком безумия.

За последнее отвечала химера, обратившись на этот раз в ящерицу, у основания шеи которой сейчас был встопорщен круглый кожистый капюшон. Пуся была занята привычным делом – орала на одной ноте. При этом она сидела на моей груди и истерично молотила хвостом по животу.

Судя по воинственному виду питомицы Силь, химера хотела не есть. Нет. Она явно хотела жрать! Всего. И побольше! И ей было плевать, что какой-то презренный человек валяется полутрупом. Да даже если бы я была беспросветно мертвой, Пуся дозвалась бы меня с того света, чтобы я встала и наложила ей в миску корм.

– Да сейчас, зараза хвостатая, покормлю я тебя, – сипло почти прошептала я.

Химера тут же заткнулась, ее воротник прижался к телу, и юркая ящерка удрала с моей груди, в мгновение ока оказавшись у своей пустой посуды.

Я же встала и шатаясь направилась к подвесному шкафчику, где и стояла банка с Пусиным лакомством. Благо ид-

ти было недалеко. Весь гостиничный номер был в длину не больше полутора десятков шагов. Да и «номер» – слишком громко сказано.

Гостиница находилась рядом с академией. И главным ее отличием от банального адептского общежития было то, что здание располагалось вне закрытой территории кампуса.

В здешних стенах часто останавливались абитуриенты, приезжие маги, которые прибывали в столицу по командировке или личной надобности и были не слишком требовательны к комфорту, да и простые туристы тоже были в этих номерах частыми гостями. А все потому, что, несмотря на аскетичность сдаваемых комнат, гостиница находилась почти в самом центре столицы. И опять же плата за постой была не заоблачной, а номера – скромными, но чистыми, и сюда пускали постояльцев с домашними питомцами.

Мы с Силь выбрали данную гостиницу именно по этим причинам. Интересно, а что побудило остановиться в отеле того типа двумя этажами ниже? Что-то мне подсказывало, что этот тип из высокородных. А у таких обычно нет проблем с деньгами, как, например, у меня и Силь. Преимущественно у меня, конечно.

Подруга до недавнего времени была единственной и любимой дочерью своих родителей. Но год назад в семье Клеринсов на свет появилась еще малышка. И весь мир в пределах одного дома стал вращаться вокруг этой крохи.

К слову, именно по данной причине родители подруги не

поехали с ней в столицу «контролировать поступление» ветреной Силь, а поручили это мне. Я с этой задачей справлялась плохо: рыжеволосая красотка почти не брала в руки учебник, зато порхала с одного прослушивания на другое. Вот и сейчас она была на каких-то пробах...

Хотя уровень дара подруги был выше моего и позволил ей претендовать на место абитуриентки на факультет прикладной магии. И если она завтра поступит, то, возможно, через семь лет сбудется мечта мистера Клеринса, который очень хотел видеть свою дочь с дипломом бытового мага. А потом торжественно передать ей в управление свой магазинчик чародейских снадобий.

Вот только сама Силь мечтала о другом. О славе, толпе поклонников, богатстве... В общем, стать певицей. А вот провести несколько лет на студенческой скамье ее не прельщало. Но она поклялась отцу попробовать поступить в академию. А я, как ответственная подруга, обещала господину Клеренсу присмотреть за его дочуркой. Чтобы та приложила все старания при прохождении экзаменов.

– Как ты думаешь, Силь придет сегодня до полуночи или, как вчера, под утро? – поинтересовалась я у химеры.

Тварюшка ожидаемо ничего не ответила. Лишь громко выразительно сглотнула, намекая, что мысли о хозяйке – это, конечно, хорошо, но о еде – еще лучше.

– Ешь, проглотина... – с этими словами я высыпала корм в миску животины.

Та накинута на угощение с жадностью. Ее хвост-оплетка завилал из стороны в сторону и спустя несколько мгновений стал обрастать шерстью. Да и сама химера начала менять облик, из ящерицы становясь кошкой.

Я посмотрела на очередную трансформацию этой паразитки и подумала, что какой бы облик ни принимала эта зараза, мозгов в ее черепушке от этого не прибавлялось. За те две недели, что мы жили с подругой в столице, ее питомица вымотала мне столько нервов, что на пару клубков хватило бы. Хоть носки садись вязать.

И я как-то спросила Силь, зачем она взяла это исчадие мертвых земель с собой. На что рыжая красотка ответила, что эта Пуся – то единственное существо, для которого она, хозяйка, всегда будет самой важной в ее химеровой жизни.

А я вздохнула и поняла, что вот эта почти безмозглая тварюшка стала для подруги своеобразным лекарством: Силь хоть и радовалась появлению младшей сестренки, но вдруг поняла, что теперь она не единственная-любимая-обожаемая у родителей. И не все внимание мамы и папы отныне принадлежит ей.

У меня таких проблем не было. Когда в семье у тебя трое братьев и еще две сестры, с детства привыкаешь внимание родителей отвоевывать. Как и деньги на карманные расходы. Потому что нас много, а папина зарплата – одна. По этой же причине я с четырнадцати лет стала подрабатывать после школы. А в шестнадцать, когда выяснилась, что у меня есть

пусть слабый, но дар, твердо решила: это мой шанс поступить в академию!

Глава 2

Правда, решить – это одно. А вот воплотить... Но для меня это был шанс. И я не собиралась его упускать: сидела над учебниками как проклятая, тренировалась, потому что для поступления в академию высшей магии на некоторые факультеты нужна была еще и физическая подготовка.

Силь, у которой дар пробудился в десять лет, только недоумевала, глядя на меня: зачем я надрываюсь? По словам ее отца, в свое время окончившего факультет бытовиков, только боевые маги сдавали нормативы. Я на это ничего не отвечала, лишь продолжала бегать по пять миль каждое утро и отжиматься.

Потому что втайне мечтала поступить именно на боевой факультет, стать стражем Периметра. Тем, кто охраняет границы людских земель от диких драконов. Эти крылатые твари когда-то были бичом человечества: они жгли города и селения, убивали все живое на своем пути... И не было на них управы. Но чуть меньше тысячи лет назад маги объединились в ковен и совместно выстроили защиту. Периметр.

Он отделил мертвые земли, где обитали крылатые змеи, от земель человеческих. Гигантский купол накрыл крупнейшую территорию. Через него могли спокойно проплывать кучевые облака, он не был препятствием для ветров и даже стай птиц. Но едва его пытался преодолеть дракон, как

охранная сеть, напоминая соты, тут же вспыхивала яркими сполохами, которые были видны за тысячи миль. И все, кто видел эти зеленые лучи, знали: крылатые змеи пытаются прорваться.

И на пути этого прорыва всегда были стражи – маги стихий, защищавшие наш мир от кровожадных крылатых змеев.

А еще, помимо прочего, на боевом факультете стипендия была в три раза выше, можно было не думать о трудоустройстве, жилье и жаловании. Для той, кому родители могли помочь только моральной поддержкой и советом, последнее было немаловажным.

Потому я и старалась изо всех сил. Но если зачет по физической подготовке я сдала, пусть и не на «превосходно», то с уровнем дара, увы, вышла незадача. Но я не собиралась отступать: не на боевой, так в теоретики. Главное – поступить.

А на следующий год я попробую перевестись. Все же я не теряла веры, что у меня все получится, пусть и не с первого раза. Тем более что сила, кажется, начала пробуждаться. Сейчас я чувствовала себя гораздо лучше, чем несколько часов назад, тело не трясло в лихорадке. Была лишь слабость. Я постаралась прикоснуться к источнику стихии, прислушаться к себе и...

– Мяу... – раздалось требовательное снизу.

Опустила взгляд. У ног, выписывая восьмерки, терлась пушистая прелестная кошечка.

– Вот чтоб тебе не превратиться в такую там, на карнизе, –

устало посетовала я.

Ответом мне был полный укоризны взгляд химеры. Кошачья морда словно без слов возмущенно говорила: «И это мне вместо благодарности?» Хотя... наверняка мне это показалось. Питомица Силь, скорее всего, просто была недовольна: ей мало положили в миску.

Но я не успела досыпать корм, как дверь распахнулась, явив блудную хозяйку несчастной, не докормленной до состояния полного окабанения животинки.

– Ники, ты не поверишь, – с порога начала подруга. – Я прошла прослушивание! И с завтрашнего дня я выступаю в элитном клубе.

Она широким жестом захлопнула дверь и счастливо закружилась по комнате, а затем, смеясь, упала на кровать.

Облегающее алое платье с глубоким декольте и высоким разрезом до бедра, острые шпильки на стройных и казавшихся бесконечно длинными ногах – Силь была ожившей мужской грезой. И подруга умело этим пользовалась, еще в школе умудряясь с легкостью жонглировать целой толпой ухажеров.

– Ник, у нас есть чего-нибудь выпить? Мою победу надо отметить!

– Минеральная вода. – Я посмотрела на ополовиненную бутылку.

– А покрепче? – надула губки подруга, садясь на кровать.

– Из покрепче есть утюг. Он точно очень твердый. – Я

кивнула на предоставленную гостиницей утварь. Та была громоздкой. И, судя по виду, созданной году в пятом. Причём не нашего века, а просто в пятом. До сотворения Периметра. – Им даже гвозди забивать можно. Я пробовала. С первого раза по самую шляпку загнала.

– Ники, какая же ты скучная, – махнула рукой подруга.

– На языке обычных людей это называется «прагматичная». – Я не стала обижаться и добавила: – Так что держи: вот это выпить, а вот это закусить.

С этими словами я поставила на прикроватную тумбочку рядом с Силь стакан и положила учебник.

– Ты издеваешься! – догадалась подруга.

– Есть немного, – не стала отпираться я. – Из-за твоей невнимательности Пуся чуть не выпала из окна. Тобой открытого окна.

– Ах! – вырвалось у Силь, и она от испуга закрыла рот обеими руками.

– Не переживай, сейчас с ней все в порядке. И со мной – почти – тоже.

И я кратко пересказала, как полезла за химерой и едва не упала. Правда, ту часть, где в номере обнаружился хозяин и что после этого произошло, я пропустила. Поэтому мое повествование вышло кратким.

– Извини. – Силь была действительно потрясена, огорчена и подавлена. И уже не лучилась радостью. – Я не подумала...

Она порывисто поднялась и обняла меня. А спустя

несколько секунд я услышала рыдания.

– Прости, прости, прости, – судорожно затараторила подруга, всхлипывая мне в макушку. Она и так была выше меня, а уж на высоченных каблуках – и вовсе. Но сейчас подруга этого не замечала, дрожа всем телом.

В этом была вся Силь. Эмоциональная, ветреная, порой взбалмошная, но искренняя. И готовая прийти на помощь. Именно так мы с ней и познакомились.

Я тогда пришла в первый класс в начале учебного года, в стареньком платье, доставшемся от старшей сестры. За мой несуразный вид в заштопанной и чуть линялой одежде с чужого плеча меня и стали дразнить Эндрю Тинк и его прихлебалы. Они зажали меня в углу рядом с раздевалкой и, встав полукругом, так чтобы я не смогла убежать, начали толкать в плечи, обзывая «поношенной». Я уже приготовилась за это разбить нос главному обидчику, ну и его приятелям, если удастся, но тут на мою защиту неожиданно встала Силь. Она проходила мимо, услышала смешки и решила заглянуть за угол...

Правда, миротворец из нее вышел тот еще: по итогу нас пятерых все же вызвали к директору. У Тинка оказались подбитыми оба глаза, у одного его дружка на месте носа красовалась слива. Все это – моя работа! А вот третий был почти лысым и с расцарапанным лицом. Мастером альтернативной стрижки и макияжа выступила уже Силь. Она так крепко вцепилась в светлые лохмы обидчика, что едва не сняла с

него скальп. Видимо, у нее сказался опыт девчачьих разборок, где основные приемы были выдирательно-царапательного плана.

Вызванные родители отреагировали по-разному: отец Тинка отвесил сыну подзатыльник за то, что его побила девочка. Мой папа, которого вызвали прямиком с работы, был зол, но, узнав о сути произошедшего, тайком показал мне большой палец и подмигнул. А директора еще и заверил, что научит меня паре армейских приемов, чтобы я в следующий раз могла за себя не только постоять, но и попрыгать, побегать и приложить волшебной палочкой, выдранной из забора...

На это заявление мамочка одного из приятелей-задирал, того самого, ошипанного, едва не устроила истерику, грозясь, что напишет в департамент образования, чтобы нас с Силь отчислили из класса как опасных для общества. На что мистер Клеринс протянул ей бумагу со словами:

– Пишите, я передам брату, он рассмотрит...

Так я узнала, что дядя Силь – глава департамента образования. На этом скандал как-то сам собой стих.

Дома нас, конечно, отчитали, но, судя по тому, как в следующий раз, спустя пару месяцев, Клеринс расквасила нос Тинку, не меня одну папа тем вечером научил, как нужно давать сдачи.

С той приснопамятной выволочки у директора мы и сдружились с Силь. И пусть мы с ней были по характеру полны-

ми противоположностями и мне порой часто хотелось придушить эту рыжую заразу, но... Это была своя, родная ветреная зараза. И я никому не позволила бы ее обидеть. В моем отношении Силь думала примерно так же, правда «ветренная» заменяя на «занудная».

– Ну, давай рассказывай про свои пробы, и потом будем готовиться к экзамену, – успокаивающе похлопав подругу по спине, произнесла я.

– Прослушивание, – шмыгнув носом, поправила меня подруга и чуть отстранилась.

Силь не нужно было просить дважды. Она тут же поведала об элитном клубе «Звездное сияние» и о том, как она обошла других претенденток. И чем больше подруга говорила, тем ярче сияли ее еще недавно заплаканные глаза. В воодушевлении она начала размахивать руками, а под конец и вообще пропела последние строчки песни, которая и принесла ей вожеленное рабочее место.

– Ты представляешь, завтра вечером мое первое выступление! – она буквально прокричала последние слова в порыве ликования и вновь закружилась по комнате, счастливо распахнув руки.

Химера выпученными глазами косилась на хозяйку и... бочком придвигалась ко мне, мордой толкая перед собой пустую миску. Видимо, тваряюшка почуяла, что из двух девиц еду положит скорее та, что сидит и смотрит на мир хмурым взглядом, а не хозяйка, которая в порыве радости способна

забыть обо всем, не только о бедной голодной Пусечке.

– А днем – экзамен, – спустила я Силь с небес на землю. – И хорошо бы к нему подготовиться, – с этими словами я подхватила миску с пола и подошла к шкафчику. А потом насыпала в посудину корма и поставила ту перед носом обрадовавшейся химеры.

«Пусть в этот вечер хотя бы одна животинка будет безгранично счастлива», – подумала я, глядя на урчавшую над миской Пусю. А потом достала банку с арахисовым маслом, сделала уже себе и Силь по бутерброду, заварила крепкий кофе, и... мы с подругой ударились в разнузданный загул по параграфам учебника. Вакханалия продлилась за полночь.

Я так и уснула, с учебником в обнимку. И во сне меня почему-то преследовали не видения, а запахи, точнее – один запах. Это были мужские благовония с ноткамипряного вина, имбиря и корицы. Они окутывали меня, словно что-то шептали, а потом голос из ниоткуда настойчиво произнес: «Верни, что взяла!» И требовательно так, словно приказ отдавал.

Я пробовала заверить, что ничего не брала. А неизвестный все твердил: «Отдай! Отдай!! Отдай!!! Или умрешь». А я не понимала, что именно взяла, бежала прочь, потому что погибать мне совершенно не хотелось. Вот только меня будто опутывала паутина, так что шевелиться становилось все сложнее. И дорога была каменистой, с ухабами и рытвинами. Я запнулась об одну из колдобин и упала с размаху.

Боль тут же обожгла плечо, которым я ударилась, и... Я проснулась. На полу, замотанная в одеяло не хуже, чем в смирительную рубашку.

– А-ш-ш-ш, – зашипела я от боли. Потому что та, в отличие от сна, была настоящей. А у меня еще после вчерашнего прибалконивания синяков и так было хоть отбавляй.

– Ники? – продрав глаза, сонно произнесла Силь, увидев мою импровизацию на тему «гусеница в коконе».

– Кошмар приснился, – коротко пояснила я, пытаюсь выбраться из одеяла.

– Аа-а-а, – зевая, ответила подруга и, поняв, что ничего страшного не произошло, вновь задремала.

А я завозила на полу. Еще никогда в жизни одеяло не пыталось удержать меня в объятьях сна столь буквально. До этого я думала, что основная опасность постели – это коварство подушки. Когда ты предельно осторожно встаешь с кровати, но оп! Одно неловкое движение – и опять спишь. Глубину своего заблуждения я поняла только сейчас, когда спустя почти минуту смогла в лучших традициях туго запеленованного младенца – дрыгаясь и изворачиваясь – освободиться из плена.

– Уф! – Сдула упавшую на лоб прядь и глянула на часы, что лежали на прикроватной тумбочке. Пять утра. Ложиться спать уже бессмысленно. Вставать еще рано. Но это по моему мнению. А вот для химеры такое время для пробуждения было в самый раз. О чем она и сообщила.

Покормив Пусю, я пошла умываться, потом сварила кофе, сделала себе еще один бутерброд и засела за учебники. Вот только нервное напряжение не позволяло мне сконцентрироваться на прочитанном. Я жутко волновалась перед предстоящим экзаменом. В конце концов плюнула, отложила книгу и постаралась успокоиться. Вчера произошло многое. И обдумать это я не успела. Зато сейчас есть время. А заодно возможность.

Я вытянула руку, призывая силу. В прошлый раз, когда производили замер, удалось невероятными усилиями затеплить на открытой ладони огонек. Он был не больше языка пламени маленькой свечки. Интересно, сейчас... Столб синего огня рванул вверх до самого потолка. Я лишь в панике успела тряхнуть рукой, как он тотчас погас, оставив после себя на штукатурке пятно копоти. И я, глядя на него, обреченно начала отсчитывать секунды. Первая. Вторая... Третья... На пятой по ушам ударила сирена. Все же не зря гостиница была оборудована для магов. Юных и не очень. Стены помещения были оплетены защитными и сигнальными чарами. И вот сейчас-то они и сработали. На нас с потолка хлынула вода. А весь этаж узнал, что в номере семьсот пять кто-то переборщил с магией.

Зато во всем случившемся был один плюс: Силь проснулась вовремя. И даже, узнав, сколько времени, не завалилась обратно спать. Возможно, она и легла бы в кровать, если бы в последней подушка не устроила заплыв.

От сотрудника гостиницы мы получили предупреждение. И пусть оно было строгим и единственным, но я все равно облегченно вздохнула: не штраф. Все оставшееся до выхода время мы были заняты сушкой вещей. Причем использовала магию лишь Силь – простейшее бытовое заклинание. Я же поняла: попробуй я что-то сотворить при помощи дара – от этого чего-то останутся одни головешки. Так что я лишь протирала все, что можно протереть (химеру – трижды, в ее разных мокрых обличьях), выжимала, раскладывала для сушки, а потом сворачивала сухие вещи из-под рук подружки. К слову, душ оказался достаточно прицельным. Так что намокло не столь много всего. Пара платьев подружки да мои джинсы и кофта, что лежали на стуле.

Я поблагодарила будущее светило магии за помощь. На мои слова Силь скорчила недовольную гримасу, не преминув уточнить, что этой помощи не потребовалось бы, не реши я попрактиковаться с даром, а затем потопала в душ. Вот только когда она вышла из ванной комнаты, то выяснилось, что времени у нас не так уж и много до начала экзамена.

Завтраку Силь предпочла макияж. Так что в академию мы шли: одна – красавица, а вторая – я. Нам вслед оборачивались парни, некоторые отчаянные даже свистели, парочка возжелала познакомиться и взять у рыжей бестии номер ее амулета связи, но продолжалось это ровно до тех пор, пока мы не оказались в холле главного учебного корпуса.

Там была толпа абитуриентов. И она бурлила, едва ли

не создавая отдельные завихрения, волновалась, гомонила. Еще бы! На стенах вывесили списки фамилий с номерами аудиторий, в которых будут проходить экзамены. Увы, согласно им мне предстояло отправиться на третий этаж, а подруга отсевалась на первом.

– Ну, с богами! – пожелала я нам обеим.

Силь подставила сжатый кулачок. Мы ударили костяшками по давней ковирской традиции. Считалось, что этот жест должен принести удачу. А потом я поспешила в свою аудиторию. Перед ее дверью уже было полно народа.

Я посмотрела на эту толпу и поняла: с пересдачей теста на магию можно и повременить. Попытаюсь прорваться на него, когда сдам теорию. Потому как если сейчас пушусь на поиски магистра, что замерял у меня уровень силы, то могу пропустить свою очередь, чтобы зайти в кабинет, в котором мне и предстояло поразить преподавателей академии глубиной своих теоретических знаний.

Я стояла, прислонившись плечом к углу откоса окна, уткнувшись невидящим взглядом в книгу, в ожидании, когда заметила, как у тротуара притормозила спортивная машина. Начищенный черный капот бликовал в лучах солнечного света немногим хуже зеркала. Наверное, поэтому к авто и устремились сразу несколько красоток, что до этого сидели на скамейке: не иначе как решили посмотреть на свое отражение. Ведь какая девушка, особенно премиленькая, устоит перед возможностью еще раз убедиться в своей неотразимо-

сти?

Сначала распахнулась дверца со стороны пассажирского сиденья, явив на свет высокого, подтянутого, широкоплечего парня с рыжей, как у лиса, шевелюрой. А следом из машины вышел и второй. И эту коротко стриженную светлую макушку мне видеть уже доводилось. Вчера. Правда, тогда обладатель льяняной шевелюры был не столь одет...

Я замерла, неотрывно глядя на блондина. Он махнул рукой, словно подзывая к себе девушек, которые и так спешили парням навстречу.

– На кого так пристально смотришь? – раздался голос сбоку. Тон, которым был задан вопрос, был скучающим, словно той, кто задала вопрос, было без разницы, о чем говорить: о погоде или мировой политике.

Я повернулась к говорившей и увидела рядом с собой жгучую брюнетку. Она, как и я, ждала своей очереди для сдачи экзамена.

– Да вон на этих двоих. – Я решила, что нет смысла скрывать, и чуть дернула подбородком, указывая направление.

– А... местная элита... – Губы брюнетки исказила кривая усмешка.

– Элита? – не поняла я.

– Выпускники с факультета стражей. Вот тот светлый – Дэниэл Стил. Один из сильнейших магов за всю историю академии. И если в том, первый ли он среди равных по уровню дара, есть сомнения, то в том, что он первостепенная сво-

лочь, их нет. И его рыжий дружок, сын лорда Дигроу. Та еще заноза в заднице. Не столь искусен в магии, как его белобрысый приятель, но не менее опасен.

– Откуда ты это знаешь? – задала закономерный вопрос.

– Мой старший брат учится на выпускном курсе. Правда, он из теоретиков. Так что я в курсе многого, в том числе и негласных каст в академии, и вот этой вот сволочной элиты... – последнее слово она неприязненно выплюнула.

А я посмотрела еще раз вниз, на улицу, туда, где все еще стояла припаркованная машина, и поняла, что влипла. Если я поступлю в академию, то вероятность столкнуться в ее стенах с типом, который может мне создать множество проблем, была практически сто процентов. Колебалась ли я хоть миг, раздумывая, а не отступить ли? Демона с два!

В этот момент вчерашний незнакомец вдруг резко вскинул голову и посмотрел вверх. Как раз на мое окно.

Глава 3

Навряд ли блондин мог увидеть, а главное, узнать меня, с учетом того, что солнце било практически ему в глаза, но я все же отшатнулась вглубь коридора. От собеседницы не укрылась моя реакция. Но что удивительно, она не стала над ней иронизировать, а вполне серьезно заключила:

– Правильно, стоит держаться от таких подальше. Как говорит мой братец: проблем будет меньше. Кстати, я Гэби. – Девушка протянула руку.

Я пожалала ее, сама представившись:

– Ники.

– Будем знакомы, Ники. На какой поступаешь? – повернувшись к окну спиной, спросила брюнетка.

– На теоретический, – я впервые произнесла это вслух. Последнее слово прокатилось колючим комом по горлу, царапая осколками разбитых надежд. Хотя... еще не все потеряно, если я хорошо сдам сейчас экзамен, а потом сумею добиться повторного тестирования на уровень дара...

– А я на погодного. Если повезет. Нет – в прорицатели. Благо для второго способности у меня по самой нижней границе требований проходят. – Она поморщилась. Видимо, стезя пифии ее прельщала так же, как и меня теоретическая магия. Но это все же лучше, чем совсем не поступить.

Мы обменялись понимающими взглядами. Так смотрят

друг на друга рыбаки или парни с рабочих окраин, которые встретились впервые, но сразу понимают: они похожи.

Гэби хотела еще о чем-то меня спросить, но тут дверь кабинета открылась. Сначала из нее вышли семеро отстрелявшихся счастливиц. Хотя... судя по лицам четверых, все же не совсем счастливиц. А за ними показался и тучный одышливый магистр. Он вытер платком испарину со лба, сверился со списком, что держал в руке, и произнес:

– Николь Роук, Самила Гаррисон, Эдвард Кроух, Микаэль Солодар... – Те, чьи имена он называл, должны были пройти в аудиторию для сдачи экзамена.

Услышав свою фамилию, я сглотнула. Сердце забилось с бешеной скоростью, а я почувствовала, как по спине бежит капля холодного пота, а в коленях появилась дрожь. Хотя вчера, когда я лезла по карнизу, этой демоновой дрожи и в помине не было.

Пламя хаоса! Как же я ненавидела экзамены! Именно за этот безотчетный страх. Всегда ненавидела. И как всегда, сейчас собрала всю волю в кулак, выпрямила спину и четким, уверенным шагом пошла мимо замерших столбиками или трясущихся по углам абитуриентов. Перед смертью не надышишься и не набоишься, про запас тоже.

В аудиторию вошла, стараясь выглядеть если не уверенно, то хотя бы спокойно. И мой взгляд тут же прилип к приемной комиссии за столом. Несколько магистров. Разного возраста, телосложения и масти шевелюры, как и в целом ее наличия.

Вот только их всех объединяло одно – то, как они смотрели на экзаменуемых. Будто препарировали мозг каждого, кто оказывался перед их столом.

Я вытянула билет и, еще не глядя на вопросы, назвала его номер.

– У вас полчаса на подготовку, – отчеканила магесса, чьи формы можно было бы описать одним коротким словом – хлыст.

Она сидела в самом центре стола и наводила страх, как мне показалось, не только на абитуриентов, но даже на своих коллег. Острые – настолько, что, казалось, дотронься – и можно порезаться, – скулы, абсолютно лысый череп, серьга на манер пиратской в левом ухе и один глаз, прикрытый черной повязкой, – внешний вид этой чародейки внушал такой трепет, что, могу поспорить, ей даже заклинаний упокоения на кладбище не понадобилось бы. Восставшие умертвия, лишь увидев, кто пришел по их бездушные неукороченные тела, мигом бы чинно улеглись обратно в свои могилы.

Под впечатлением от этой магессы я прошла к свободному столу и, лишь когда села, прочла билет и ... Поняла, что я провалилась. С треском.

Еще вчера я была уверена в сегодняшнем дне. Но только сейчас поняла, что это было не про день, а про дно.

Четыре вопроса по четырем дисциплинам: математика, история, бестиология и основы магической теории. И если с первым заданием проблем не возникло: матрицу я решила

быстро, то уже со вторым – полный швах.

Эпоху правления Герогранвирминрга Синезубого я помнила плохо. Потому что при его царствовании был полный бардак. Семь бунтов, куча жен, что мерли как мыши, тьма мирных договоров, который наш доблестный правитель умудрялся подписывать и тут же нарушать, – и это если только по верхам. Да и в базовом курсе я такого зубодробительного имени не припомню...

Рука с самописным пером зависла над листком. А спустя несколько секунд я уверенно вывела заголовок «Самая неоднозначная личность в истории». Почему бы и да? Ну правда, при всем том безобразии, что было в эпоху этого Синезубого, чье имя без бумажки не выговорить, удивительно, как он вообще усидел на троне, а его голова – на плечах.

А потом я решила сделать то, что делает всякий порядочный историк. В смысле человек, сочиняющий истории: слегка приврала. Нет, восстания я описала честно. А потом прикинула, что при таком раскладе экономика должна была быть в упадке, и... Вспомнила недавнюю газетную статью о финансовом крахе в карликовом государстве Варлонга, что граничило с нашей державой, и почти дословно ее процитировала. Щедро приправив ответ такими терминами, как «стагнация», «депрессия», а также обтекаемыми формулировками «по мнению современных специалистов» и «предположительно». А что? Кризис – он везде кризис, и причины его в большинстве случаев одни и те же – дураки, принима-

ющие ответственные решения.

А уж когда я перешла на личность монарха, то упомянула его жен и прикинула, что с такой любвеобильностью любовниц у Синезубого должно быть минимум в десять раз больше. А где много женщин, там... правильно! Интриги! Как итог, под конец ответа на вопрос я, кажется, начала понимать все причинно-следственные связи.

Подумала: если так и дальше пойдет, то я могу стать специалистом по периоду правления Герогранвирминрга Синезубого. Вот что делает с отчаявшимся абитуриентом желание попасть в академию. Он вспоминает даже то, чего не знал!

С бестиологией творческих способностей не понадобилось. Внешний вид, строение и повадки кладбищенского гуля, который попался мне в билете, я и так отлично помнила.

А вот на основах магии я застопорилась. Потому что предложенная задача не решалась. Хоть ты тресни. Все оставшееся время я потратила на тщетные попытки хоть как-то надкусить этот «орешек»... Я понимала, что если не сделаю хотя бы половину, то этот вопрос мне не зачтут вовсе. И не факт, что оставшихся баллов хватит на поступление, но... Уравнение отражающего потока не решалось ни в какую.

Когда меня вызвали для ответа, я уже не волновалась. В душе было то спокойно-уверенное состояние, когда ты готов взять хвост дракона голыми руками, чтобы за него же и оттащить крылатого змея, а затем набить ему морду, а то и во-

все прикончить. И тебя ничуть не смущает то, что эта тварь может легко тебя сожрать, а вот ты ее – не факт.

Сейчас передо мной как раз сидели пять таких «драконов». На вид молодой, еще только-только окончивший аспирантуру рыжий магистр с такими хитрыми глазами, что создавалось ощущение: он уже тебя обманул. Пару раз. И обчистил все карманы. Убеленный сединами маг с окладистой бородой, что смотрел на меня поверх очков. Щеголеватый франт. Этот, как я позже узнала, был из городского комитета и отвечал за то, чтобы набор магов не превысил лимиты. Пухленькая дама в пенсне и с кудряшками. Она неприязненно косилась на того самого лощеного франта и поджимала губы. Председательствовала этим кагал... прошу прощения, комиссией та самая магесса с лысым черепом.

– Мы слушаем вас, Николь Роук, – четко, по-военному произнесла она.

А у меня создалось впечатление, что эта чародейка перевернула воображаемую клепсидру, песок которой отмерил время для моего ответа. Поэтому я не стала медлить и начала с первого вопроса. Вот только не успела дойти до середины, как меня прервали. Тот самый молодой маг, которого я посчитала вчерашним аспирантом. Подергав мочку своего уха, он пояснил:

– Вижу, лисса Роук достаточно хорошо ориентируется в моем предмете. Не вижу смысла тратить время на дальнейшие расспросы.

– Нет! Вы уж потратьте, – желчно отозвался франт, подкрутив свои тощие усишки. – А то понаберёте бездарей, и потом их содержи за наш счет.

– Счет не ваш, а казны. В которую, между прочим, платят налоги все граждане. И ничего ЛИЧНО ВАШЕГО, господин Фурс, в нем нет, – возмутилась пухленькая кудрявая дама, что сидела с ним рядом.

Взгляды этих двоих схлестнулись. И явно не в первый раз. Вот ведь! Угораздило же меня попасть. Сейчас этот тип будет специально ко мне придирааться, из принципа, если только...

Я продолжила ответ. Молодой маг на это лишь понимающе усмехнулся и все то время, что я говорила, только размеренно кивал в такт моим словам.

А вот второй вопрос оказался как раз по части седовласого мага. Я бодро начала рассказывать про Герогранвирминрга Синезубого. И даже с первого раза выговорила его имя!

Но едва я произнесла несколько фраз, как меня перебил лощеный тип, обращаясь с вопросом к пожилому магистру:

– Не думал, что этот вопрос есть в билете. В свое время мы проходили эпоху правления Горгрос... Герогровинс... – франт явно разозлился оттого, что не смог выговорить имя правителя древности, поэтому резко оборвал себя, а потом язвительно добавил: – И в общем, Синезубого лишь на выпускном курсе. Почему вы включили его в вопрос для абитуриентов? Вы, ректор, не придерживаетесь базовой програм-

мы?

А я посмотрела на лысую горгуль... магессу ... Это что, она – ректор?! Нет, я слышала, что иногда на экзаменах присутствует глава академии, но чтобы мне так «повезло»... Вот ведь тлен и пепел!

– Мы лишь отбираем в студенты только самых лучших, способных и умных, чтобы казне не пришлось содержать на балансе бездарей. Поэтому вопросы не только из базового, но и из расширенного курса, – с улыбкой, которая напоминала оскал песчаного аспида, невозмутимо отозвалась ректор.

И одна эта ее фраза срезала франта эффективнее любых грозных взглядов кудрявой магессы.

Франт в ответ принял гордый и независимый вид – или, проще говоря, не нашел достойного ответа. А вот у меня он нашелся. Не знаю, насколько, правда, достойный, зато подробный, красочный. Только не на слова ректора, а на второй вопрос билета.

Я так описывала экономический кризис, что пухленькая магесса даже подалась вперед, заинтересованно слушая. Вот только меня перебили на полуслове:

– Назовите предпосылки системы экономической нестабильности в период до правления Гр... – Франт понял, что сейчас оконфузится с именем на бис, поэтому поспешил добавить: – Синезубого.

– Большие траты на содержание двора, – уверенно отозвалась я, сочиняя на ходу. А что? При таком числе фавориток

это вполне логично. – До четверти дохода казны, – произнесла и поняла: кажется, я увлеклась.

– Не четверти, а трети, – поправил меня франт и тонко усмехнулся. По его выражению превосходства на лице стало очевидно: играть в игру «сочини небылицу на честном глазу» умею здесь не я одна. И лощеный хлыщ не преминул заметить: – Ваши знания не слишком глубоки.

Рядом с ним закашляла пухленькая магистр, поперхнувшись стаканом воды, и попыталась возразить:

– Этот период истории не изучают столь подробно, и девочка...

Вот зря она встала на мою защиту. Почитай, могилу мне вырыла. Правда, в традиционном стиле добряков – благи-ми намерениями. Теперь этот гад на меня точно взьется, и если я начну защищаться до последнего, то этот хлыщ будет меня с не меньшим же азартом топить. А в вопросах истории он явно будет посильнее, помускулистее меня. И я с треском провалюсь. Поэтому я просто вывесила белый флаг, признала поражение в еще не начавшейся схватке. Утешив себя тем, что умнее вовремя отступить, чем потом тупить.

– Да, вы правы, боюсь, что тему распределения трат казны при Герогранвирминрге Синезубом я не изучила достаточно подробно. И ваши знания в этой области, несомненно, гораздо более обширны.

Меня одарили двумя усмешками. Одна – явная, с оттенком превосходства – от хлыща. Вторая – тонкая, едва замет-

ная – от ректора, которая оценила мою не сильно-то и завуалированную лесть чиновнику.

Зато самоутвердившийся за мой счет фронт после этого подобрел, и вопросов больше не задавал.

И даже снисходительно обронил, когда я закончила:

– Похоже, девушка все же неплохо знает историю, – отзывался он.

«Угу, особенно как в нее влипнуть», – добавила я про себя. А фронт, не подозревая о моих мыслях, продолжил разглагольствовать:

– Есть, конечно, пробелы в ее образовании, и над ними нужно поработать, но... по данному предмету она все же достойна минимального проходного балла, – закончил он с сожалением.

Зато на следующие вопросы билета я отвечала вполне спокойно. Ровно до того момента, как не добралась до последнего. Той самой нерешаемой задачи.

Ректор уставилась на меня единственным глазом так, словно я – это мишень, а она задалась выбить десятку. В этом взгляде было предвкушение, будто она знала, что у меня с последним вопросом, мягко говоря, не все гладко.

Я посмотрела в билет. Задача на построение уравнения переноса. И вроде бы в ней все гладко. Правильно, правда жутко сложно, но если углубиться в дебри расчётов, все должно получиться, и... не получалось! Я несколько раз пробовала, а ощущение было такое, что я плутаю в трех соснах.

А потом я задумалась: что, если это все специально? Что, если задача неправильная изначально? И составителями задумано, чтобы она была... нерешаемой.

– Мы ждем ответа на заключительный вопрос. Или у вас его нет? – Глава академии вскинула бровь.

А я... решилась! И, уверенно посмотрев в глаз ректора, произнесла.

– Отчего же! Есть. Эта задача нерешаемая. Возможно, ее составитель перемудрил, возможно, это сделано специально, чтобы отвечающий осознал, что не всегда он может контролировать ситуацию, иногда она контролирует его, даже если знаешь абсолютно все. Порой ты просто не в силах...

– Достаточно, – перебила меня ректор. – Ставлю вам высший балл за ответ на этот вопрос.

От услышанного я растерялась. Как? Что? Видимо, на моем лице было такое удивление, что глава академии пояснила:

– Это задание не только на знание магической теории, но еще и психологический тест. На то, как маг будет реагировать в критической ситуации, сможет ли признать свои ошибки, найти чужие или смириться с неизбежностью. Лишь немногие смогли ответить на этот вопрос столь блестяще. И вы, Николь Роук, в их числе.

Она поставила размашистую подпись в моем бланке поступления и протянула мне лист со словами:

– Добро пожаловать в академию.

Из дверей экзаменационного кабинета я вышла настолько

счастливо-окрыленная, что казалось: еще немного – и взлечу. Вот только эйфория длилась недолго. Потому как услышала разговор двух парней, что ожидали своей очереди.

– Слышал, в этом году на факультет отбор уже закончен. Укомплектовали полностью, – смачно вгрызаясь в яблоко, произнес первый.

– Жаль, а я хотел рискнуть. Что ж, придется документы на бытовика подавать, чтобы не пролететь, – печально протянул второй, запустив пятерню в спутанные колтуны и почесывая затылок.

– Ты, главное, с экзаменом сейчас не пролети, а потом уж разберёшься, какой факультет собой осчастливить, – аппетитно хрустя мякотью, отозвался первый

– И то верно, – согласился с ним лохматый.

А я почувствовала, словно вокруг меня выключили кислород. Весь разом. Как?! Как уже набрали?! А я? У меня же и потенциал, и на отлично сданные экзамены, и физподготовка, чтоб ее, успешно пройдена... И вот когда я уже думала, что смогу запрыгнуть на подножку общественного магического вагончика, выясняется, что я опоздала!

В первый миг я растерялась. Стало обидно. Дико. До звездочек в глазах. А потом я со всего маху врезала кулаком в стену и... Если бы та пошла трещинами, то было бы еще полбеды. Но нет. Внушительный кругляш кладки несколько мгновений в абсолютной тишине радовал всех зрителей сетью мелких трещин, что расходились от моего кулака. Его я,

пораженная собственной разрушительной силой, даже не отняла его от стены. А затем целый кусок выпал. В аудиторию. И в образовавшийся пролом я увидела невозмутимое лицо ректора. И побледневшее до оттенка запылённой извёстки – франта. И я, посмотрев на стол перед ним, даже поняла почему. Увесистый булыжник лежал пред хлыщем безмолвным, но весьма выразительным намеком. А уж на то, что удача – дама капризная, или на то, что стоит не доводить абитуриентов придирадками на экзамене, – это уже господину с тонкими усиками решать самому.

– Вы так обрадовались поступлению, адептка Роук? – невозмутимо уточнила глава академии.

– Нет, – испуганно отозвалась я и, поняв, что сказала, тут же поправилась: – Да. И у меня от радости резко изменился уровень потенциала.

– Изменился? Тогда бегом на замер. А теперь не мешайте проведению экзамена. А об отработке за ваше хулиганство мы поговорим позже, – за этими словами последовал пасс. И тут же выпавшие камни кладки начали вставать на место, словно и не было никакого урона стене.

Испугалась ли я отработки, о которой упомянула ректор? Ничуть. Я ей обрадовалась. Ведь это значило, что я точно зачислена! А затем я поспешила на поиски магистра, который проводил вчера замеры. Память услужливо подкинула его имя: Даг Силлеван.

Но, даже зная фамилию преподавателя, найти его в акаде-

мии оказалось той еще задачкой. Он был подобен призраку: многие о нем говорили, но мало кто его сегодня видел. Но все же я его нашла! Правда, в самом неожиданном месте – дамской уборной! Я его там отбила у какой-то весьма предприимчивой дамы, которая зажала бедного Силлевана в угол и угрожала сильнейшим женским оружием – скандалом.

Он был почти осязаем. Его можно было почувствовать кончиками пальцев, вдохнуть его запах. Еще немного – и началась бы буза, но тут появилась я.

– Занято! – рявкнула дама, уперев руки в крутые бока и смерив меня презрительным взглядом.

– Я понимаю, что магистр занят, но он мне тоже нужен. По неотложной учебной нужде! Я его быстренько у вас займу на пару минут, а потом верну. И вы сможете на него кричать дальше.

Дама, тряхнув буклями и шляпкой, напомнила мне быка, который роет землю копытами, готовясь идти на таран. Учитывая немалые ее габариты, я даже не сомневалась, что она может смести с пути и меня, и дверь, и пару кирпичных стен, и рект... нет, ректора все же не сметет.

– Да как ты смеешь... – взревела любительница скандалов. Видимо, до этого ее мало кто перебивал, поэтому она чуть не задохнулась от возмущения: – Что ты вообще, пигалица...

– Не что, а кто, – поправила я. И, глянув на внушительную кубатуру противницы, поняла, что ее не остановит ни одно

заклинание. Но там, где бессильны самые могущественные чары, помочь может хитрость. Поэтому я применила стратегию, столь популярную в битве на распродажах – внезапность. – Я будущая мать! – рявкнула во всю силу своих легких. И изобразила на лице самое зверское выражение – боевого мага, идущего в атаку.

А все потому, что я вспомнила свою маму: она с таким же криком и фразой на распродажах всегда умудрялась урвать в неравной схватке последний товар с полки. А все потому, что ей было очень нужно. А нас в семье много. А денег в кошельке – мало.

Вот и я посчитала, что магистр ничем не хуже футболки по бросовой цене. А значит, и сражаться за нее, точнее, за него нужно так же.

Я приготовилась рвануть за руку оторопевшего магистра и задать стрекача, пока противник переваривает информацию, но Силлеван оказался тем еще тугодумом. И даже когда я, сделав два шага, ухватила его за рукав и потянула в свою сторону, не шелохнулся. Стоял и пучил на меня глаза.

– Беременная? От Дагика?! – меж тем зачарованно и как-то даже благоговейно прошептала дама. И, хлопнув в ладоши, вознесла взгляд... хотелось бы сказать к небу, но нет, к потолку с потрескавшейся известкой и произнесла: – Наконец-то! Наконец-то я стану бабушкой!

И только тут я поняла, как влипла. Эта матрона была не разгневанной матерью кого-то из адептов, устроившей вен-

детту преподавателю, посмевавшему поставить ее кровиночке «неудовлетворительно». И даже не любовницей Силлевана. Все оказалось намного хуже: она была его мамой. Причем, судя по восклицанию, мамой, отчаянно ждавшей внуков.

– Нет! – тут же отмер магистр. – Я эту девицу впервые в жизни вижу! Мама, ты все не так поняла.

– Вообще-то второй! – возмутилась я. – И в первый раз вы сказали, что я вас не сильно впечатлила... – «своим уровнем дара» добавить не успела, мена перебили:

– Какая разница, милочка, впечатлила или нет! Главное – результат! Ты умничка! А то столько красавиц вокруг моего мальчика было... сколько было. И чтобы он на одну хоть посмотрел. Я даже, грешным делом, подумала, что он бессилён по мужской части... или того хуже, не интересуется девушками и у него завелся... друг. А вот гляди ж ты... Польстился мой Дагик на такую обычную, как ты... Тощую, невысокую, белобрысенькую...

– Мама! – не выдержал магистр. – Я просил вас не приходить ко мне на работу! Не приносить домашние обеды в судочках! Не позорить меня перед студентами и коллегами! И не напоминать мне каждый день о том, как ты страдаешь без внуков.

– Ладно-ладно-ладно, – в успокаивающем жесте, словно фокусник в балагане, колдующий над хрустальным шаром, взмахнула своими пухленькими наманикюренными ручками дама. – Мама тебя услышала, сыночка. Мама тебя поня-

ла. Мама уходит. А вы пока со своей невестой решайте дела предсемейные. – И она очень резко на цыпочках ретировалась из уборной.

Остались мы трое: я, магистр и напряженная тишина.

– Сочувствую, – вырвалось у меня непроизвольно спустя десяток секунд.

– Не стоит, – устало махнул рукой магистр. – Ты кто такая?

– Меня ректор к вам послала для спасен... для повторного замера уровня дара. Поэтому, извините, я отбивала вас у противника как могла.

На мою фразу магистр усмехнулся.

– А-а-а, ясно. Но с беременностью была неудачная идея. Тебе придется потом объяснить госпоже Силлеван, что она все не так поняла.

– Я не самоубийца, – возразила тут же, глядя на задумчиво почесывавшего черную кучерявую макушку магистра.

Тот был невысок, худощав и симпатичен. На вид я бы дала ему около тридцати. Умный, живой взгляд, улыбка с хитринкой, располагающее выражение лица. Сам по себе вполне приятный мужчина, не лишенный юмора, главным недостатком которого была его очень энергичная мама.

– Жаль, – иронично отозвался он и добавил: – Ну, если умирать вы пока не хотите, придется пройти ко мне в кабинет и замерить у вас еще раз уровень дара.

И магистр услужливо указал на дверь. Я не замедлила

воспользоваться приглашением и выскользнула в коридор. А следом за мной и профессор.

В первую нашу встречу магистр Силлеван показался мне надменным и отстранённым, но, как выяснилось, это впечатление было обманчиво. Скорее всего, в тот день он просто устал: еще бы! Провести замер более чем у тысячи юных магов... А сегодня я увидела его с другой стороны: умеющим прощать, быть терпимым, иронизировать, в том числе и над собой... Он мог бы возмутиться, отчитать меня за то, что влезла, да даже за то, что увидела его, мужчину, в абсолютно немужественном положении...

Но, похоже, магистр хорошо знал свою матушку и смирился с ее характером. Как и с тем, что она периодически пытается вот так подловить своего сыночка в углу и вынудить его пойти на очередные смотрины невесты, которые для маскировки величают званым ужином. А профессор столь же рьяно этим приглашениям сопротивляется.

Поэтому от него в мой адрес не последовало ни громов с молниями, ни иных кар. Лишь снисходительная усмешка.

И она блуждала на его губах ровно до того момента, пока мы не дошли до его кабинета и Силлеван не положил на мое запястье чаромер. А затем... лицо профессора вытянулось. Он уставился на стрелку, которая показывала девяносто один... два... восемьдесят пять... Индикатор прыгал, не выдавая точного значения.

– Какой уровень я определил у вас в прошлый раз? – спро-

сил Силлеван.

– Два процента. – Я сглотнула, предчувствуя неладное.

– Всего несколько дней назад... И такой резкий скачок инициации... – ошарашенно пробормотал магистр.

– Это плохо? – напряглась я.

– Плохо? – переспросил профессор. – Скорее феноменально... Обычно скачок в уровне дара не бывает выше сорока процентов. Сорок – это потолок. Но почти в девяносто...

– Так это хорошо? – уточнила я.

– Это поразительно. У вас невероятно высокий уровень дара. Только почему-то нестабильный... Стрелка должна точно остановиться на одном делении... Если бы инициация произошла год назад и у вас были такие нестабильные показатели, то могла бы идти речь об угрозе магического срыва. И встал бы вопрос об ограничивающих силу браслетах или даже блокировке дара, если амплитуда колебаний при замерах составила бы более тридцати процентов, но в вашем случае... – он замолчал на несколько секунд. – Возможно, причина в превышении максимального порога.

– Что вы имеете в виду? – Я подалась вперед.

– Скажем так: ваш дар возрос быстро, резко и на слишком большую величину. Наверняка колебания обусловлены именно этим. Но я все же провел бы замеры спустя пару месяцев...

– А эти пару месяцев... Мне нельзя будет учиться?

Или... – тут мой голос сел. – Меня и вовсе отчислят?

Я испугалась. Вот внушительную госпожу Силлеван не боялась ни капельки, а тут стало страшно. Потому что все мои надежды вдруг могли рухнуть. Как раз в тот миг, когда я уже поверила, что все позади, что я поступила. И не на теоретический, а на факультет стражей...

– Отчислить? – магистр рассмеялся. – Отличная шутка. С таким уровнем дара не отчисляют. На таких магов, как вы, наш ректор охотится!

«Надеюсь, что эта охота не заканчивается тем, что голову трофея прибавают над камином», – подумалось невесело.

Глава 4

– О нет, головы таких, как вы, слишком ценны для подобного, – произнес профессор, и я поняла, что произнесла мысли вслух.

Было неловко, но любопытно было еще больше. И потому следующий вопрос вырвался сам собой:

– А чем так ценны?

Губы Силлевана дрогнули в улыбке:

– Дело в том, что дар выше восьмидесяти процентов встречается у одного чародея из тысячи. Редкость, согласитесь. А если учесть, что магические способности среди людей встречаются не столь часто, то... Знаете, сколько в нашей академии учится студентов с даром выше восьмидесяти? – перебил сам себя профессор.

– Понятия не имею.

– Меньше двадцати человек! На всех пяти курсах. И все эти адепты – с факультета стражей.

Я впечатлилась. Я обрадовалась. Я наконец-то поверила, что сбылась моя мечта. Я стану стражем. Но эйфорию мою прервал вопрос профессора:

– С уровнем разобрались, теперь посмотрим на стихию.

С этими словами он достал из шкафа еще один прибор. Это была металлическая пластинка размером с ладонь, напоминавшая по форме глаз с опущенным веком. Своеобраз-

ный гигантский миндальный орех. Только бронзовый.

В прошлый раз такого я не видела. Ко мне лишь приложили паромер, который и показал два процента.

– Это Око Стихий. Им тестируют направленность дара у тех, чья сила выше двадцати процентов, – пояснил профессор.

– А если ниже?

– Ниже – стихия не может четко себя проявить, поэтому дар считается общим, без выраженной направленности, – пояснил Силлеван и добавил: – Какой дар был у отца? Матери? Обычно ребенок наследует ту же стихию, что и у одного из родителей.

– Я единственный в семье маг, до этого дара ни у кого не было...

– Значит, ждем любого из семи вариантов, – сделал вывод профессор. – А сейчас постарайся сконцентрироваться и направить свою магию в центр Ока.

С этими словами он встал напротив меня, на уровне своей груди держа большими и указательными пальцами за края артефакт. Локти профессора при этом были разведены в стороны, словно в позе для медитации.

Силлеван чуть прикрыл глаза, и в этот момент Око открылось. Оно действительно напоминало глаз. Только вместо радужки была пустота, зиявшая черной спиральной воронкой, которая закручивалась все быстрее, приковывая к себе взгляд, утягивая вглубь, маня мою магию, что тонкой

нитью тянулась из груди.

Я даже инстинктивно подалась чуть вперед, навстречу этому магическому водовороту, когда заметила, что уходящую вглубь спираль пересекает тонкая вертикальная ось. Она вращалась вокруг себя и становилась все толще, словно веретено, которое наматывает нить, что тянется из кудели. И последней была я.

И вот уже это не ось, а вертикальный змеиный зрачок, только не черного, а ало-голубого цвета. Он разрастался по центру, стремительно превращаясь в круг, заполняя собой все пространство с черной пустотой и...

Последнее, что я увидела, перед тем как инстинктивно зажмуриться от взрыва и прикрыть глаза сгибом локтя, – это то ли шар, то ли кольцо, которое вырвалось из Ока, при этом расколов артефакт на части.

А потом воздушная ударная волна ударила меня в грудь, опрокинув назад вместе со стулом. И густая тишина. Она давила на уши, заставляла пульс бешено стучать в висках. Стучать столь сильно, что казалось: еще мгновение, и если не раздастся ни звука, то кровь хлынет у меня из носа. Из обеих ноздрей разом.

И я, не выдержав, пошевелилась. Отняла руку от лица и, прищурившись, взглянула на кабинет. То, что осталось от него, впечатляло руинами. И посреди этого бедлама стоял Силлеван. Он был весь в пыли. Его одежда оказалась порванной в самых неожиданных местах. Волосы стояли дыбом. Но

при этом маг по-прежнему держал в руках то, что осталось от Ока.

– Тьфу. – Выплюнув изо рта попавшую туда пыль, профессор произнес: – М-да... Как-то я такого варианта не подсчитал... У вас, похоже, сдвоенный дар: водника и огненный... Это возможно, если оба родителя – носители дара, причем разных стихий, но вы говорите, что первая в своем роду...

Силлеван отложил артефакт на уцелевшую половину стола и озадаченно потер подбородок.

– Определенно, твои способности стоит изучить. Только сейчас исследования могут спровоцировать большую нестабильность... – задумчиво, глядя куда-то поверх меня, заключил Силлеван. – Сейчас я подпишу тебе протокол с новым замером, но с примечанием, чтобы ты заглянула ко мне через две недели для повторного замера. Посмотрим динамику стабилизации твоего источника. Ректора я предупрежу. Пока же во время учебы старайся контролировать свою магию и дозировать силу.

Я лишь согласно кивнула, не найдясь чего ответить, а потом так же молча наблюдала, как из выдвижного ящика все того же полуразгромленного стола профессор достал бланк, ручку и размашистым почерком заполнил строки.

– Вот. Отнесёшь в деканат факультета стражей. Там хоть набор и закрыт, но для тебя обязательно найдут место, – с таким напутствием Силлеван и отпустил меня.

Я же, стряхнув с себя пыль и известку, поспешила в указанном направлении. Приемная нашлась быстро. Правда, если говорить о теплоте приема, то... Встретили меня без хлеба, только с солью, потому что хлеб в винтовку, видимо, не впихивался.

На страже порядка факультета стоял опытный боец. Дама, сухая как вобла и способная дать леща любому наглому адепту, выслушала мое сбивчивое приветствие и причину, по которой я тут, смерила меня неприязненно-оценивающим взглядом и процедила сквозь зубы:

– Зачисление на факультет стражей закончилось час назад. Знания самых одаренных из магов комиссия уже проверила, и имена тех, кто прошел их успешно, уже вывешены на стенде.

Так вот почему нас всех развели по разным аудиториям. В соответствии с силой источника – догадалась я о причине, почему наши экзаменационные пути с Силь разошлись. Ее уровень был выше.

– Но профессор Силлеван сказал, что меня все же зачислят, несмотря на то что набор закрыт.

– Пусть профессор Силлеван тогда озвучит это лично ректору. И назовет причину, по которой магистр Викард Бронис должен будет принять такое решение, – отчеканила эта с... стерлядка малосольная тоном «не пытайтесь запудрить мне мозги или взять нахрапом, милочка».

– Профессор это уже озвучил. Письменно. И ректор тоже

в курсе.

– Ректор? И как вы, дорогуша, смогли ее увидеть? Миранда Гирс сейчас на экзамене, сдерживает рвение наблюдателя из департамента, который в этом году пожелал выслушать ответы самых слабоодаренных, – она едко усмехнулась в духе «вот я и поймала тебя на лжи».

– Да, я как раз чуть больше часа назад и сдавала ей экзамен, – тоном игрока, сумевшего обыграть профессионального шулера, отозвалась я и вместо козырной карты выложила на стол экзаменационный лист, в котором стояла ректорская подпись. А рядом с ним лег и бланк, заверенный Силлеваном.

Секретарь, приспустив на кончик носа очки, поверх них глянула на документы, сначала в один, потом в другой, потом еще раз вернулась к бланку и недоверчивым тоном спросила:

– Девяносто два?

Я лишь кивнула. Но мне кажется, она этого даже не увидела, потому как, подхватив бумаги, лишь бросила мне: «Ожидайте» – и напрямик направилась в ту самую обитель, покой которой столь ревностно охраняла, – в кабинет ректора.

Я же занялась тем, что, собственно, мне и повелели, – ожидала. Правда, заскучать мне не довелось. Потому как в дальнем углу, за рабочим местом секретаря, рядом с открытым окном я заметила вдруг противного здоровенного паука. Он сидел прямо на подоконнике. Черный мохнатый жутик.

Перебирал лапами и пучил на меня все свои восемь глаз,

щелкал своими челюстями, больше напоминаявшими ногощупальцы. В первый миг я этой гадины испугалась, а во второй... Наверняка эта пакость забралась сюда через распахнутое окно. А вдруг эта тварь нападет на секретаря? Нет, конечно, в открытом поединке с этой милой дамой я поставила бы однозначно на нее. Хотя бы по причине большей ядовитости сотрудницы академии. Но вдруг тварь ее атакует неожиданно и со спины?

Пусть секретарь теплых чувств у меня не вызывала, но до смертоубийственных она меня тоже не довела, так что я решила действовать во спасение жизни помощницы декана.

Для начала я вооружилась увесистым томиком, которым можно было сломать мозги как в переносном смысле (если пытаться выучить все его содержимое), так и в прямом (весил он не меньше булыжника из тех, которыми мостили улицы пару веков назад). Я едва подняла этот фолиант над головой, чтобы нанести резкий и сокрушительный удар по членистоногому. И чуть заплетающейся походкой под гнетом знаний двинулась в сторону противника с мыслью: не прихлопну, так скину с подоконника на улицу эту тварь.

И ровно в тот момент, когда я зависла над врагом, сбоку раздалось громогласное:

– Отставить!

Я от неожиданности выпустила книгу из рук. И та в тишине звучно упала, просвистев в паре дюймов от паука. Мне показалось, что после удара я слышала треск, но выяснить,

проломлена ли половица, было как-то недосуг.

Медленно повернулась туда, откуда слышала крик, и узрела высокого статного мага. Небольшая и аккуратная, полностью седая борода, короткая стрижка снежно-белых волос, широкой разворот плеч и выправка, которая выдает военного даже в гражданской одежде. Впрочем, больше всего меня впечатлило в декане не это, а взгляд. Тяжелый. Немигающий. Пристальный. Он довлел, давил, вынуждал сделать шаг назад. А лучше два или с десятков, чтобы быть подальше, а ещё лучше и вовсе спрятаться.

Но я постаралась выпрямиться и ответить, не пряча глаз и не тушуясь. Хотя бы внешне. Раз уж декан пришел лично посмотреть на ту, которая имела наглость потребовать у него, главы факультета, изменить приказ о зачислении и внести ее имя в список поступивших, то нужно хотя бы показать, что я достойна быть в этом самом списке.

– Так, значит, ты умудрилась инициироваться в день экзамена?! – вскинув бровь, спросил декан.

Его лицо было словно высечено из мрамора: прямые линии, четкие формы, гармоничные пропорции, в которых чувствуется скрытая суровая и опасная сила.

– Да, – сглотнула, опуская руки. В горле вдруг стало сухо. Но я могла гордиться тем, что мой голос не дрогнул.

– И зачем ты взяла книгу? – спросил он.

– Так здесь же паук, – не глядя ткнула в тварь, сидевшую на подоконнике.

Но когда повернула голову, чтобы увидеть тварь, то на ее месте уже была змея, свернувшаяся в клубок.

– Это проявитель. Артефакт, который видят только те, чей уровень магии достаточен для зачисления на факультет стражей, – пояснил декан и добавил: – Хотя бы с подлинность замеров профессора Силлевана разобрались.

И только после этих слов я поняла: секретарь просто-напросто заподозрила меня в подлоге. Ну... бдительная! Лишь позже я узнала, что этот артефакт обычно приковывал к себе взгляд только тех магов, чей уровень дара позволял его увидеть. Будущие адепты при подаче документов просто тарасились на подоконник, каждый при этом видя свое: кто огненный фонтан, кто призрака, кто отрубленную башку волкодлака, кто собственную тетю в чепце... Что вызывало большую неприязнь, одним словом.

А установили его потому, что уже бывали случаи, когда самые отчаянные из абитуриентов столь сильно жаждали попасть в стражи, что не гнушались и подделкой бланков с замерами.

Стало интересно: сколько еще таких внезапных проверок ждет меня в процессе обучения? Что-то подсказывало: их будет не одна и не две.

Только поразмышлять на эту тему мне не дал очередной вопрос ректора:

– Ваш потенциал, адептка Роук, впечатляет. Из рода магов?

Судя по тому, как уверенно он назвал мою фамилию, с документами, что принесла ему секретарь, декан Бронис ознакомился досконально.

– Нет, я первая инициированная.

Брови декана удивленно приподнялись. Больше он ничем не выказал своего удивления, продолжив расспросы:

– Из столицы?

– Нет, с юга, из Меллвиля.

– Однако... Из провинции – и такие глубокие знания курса, что восхитили даже ректора, а ее сложно чем-то удивить... – усмехнулся в бороду декан. – Признаться, не реши вы, юная леди, поохотиться на паука, – при этих словах магистра я покраснела, кажется, до корней волос, – я решил бы, что передо мной шпионка. – При последних словах декана мое сердце едва не ушло в пятки.

– Я готовилась поступать на теоретика, поэтому много сил потратила на учебу.

– Оно и видно, что только на учебу. Физическая форма у вас не из лучших. Но ничего, учеба на моем факультете это исправит. И раз уж вы не из столицы, то закономерный вопрос: нужно ли место в общежитии?

Я закивала, что да, место нужно.

После этого декан отдал распоряжение секретарю, чтобы та внесла изменения в приказ, а на мое имя подготовила документы о зачислении, вселении в общежитие, получении формы и учебников, и вернулся к себе в кабинет. А я оста-

лась наедине с секретарем, которая с каким-то остервенением начала выполнять распоряжение начальства.

При этом она напоминала бухгалтера, у которого только-только сошелся годовой отчет, а потом ей указали на ошибку, и теперь она вынуждена пересчитывать все сметы по новой. Но даже ее злобные взгляды поверх очков не могли испортить моего радужного настроения.

Из приемной я вышла, счастливо прижимая к себе стопки листов. Хотелось кричать «ура», но пыталась сдержаться. Отпраздную с Силь эту победу вечером. А сейчас стоит наведаться в общежитие, пока еще не все комнаты заняты первокурсниками.

Но на одном из поворотов я почувствовала спиной чей-то взгляд. Повернулась. Никого. И только хотела продолжить путь, крутанулась на каблуках, возвращаясь на исходный курс, как... в шаге от меня оказался тот самый парень из гостиничного номера. И он был зол. Опять.

– Я не ошибся утром. В том окне была именно ты, – ледяным тоном отчеканил он.

– Ну я. И что дальше? – вскинула голову, глядя на этого... как его... Дэниэла Стила. Кажется, так назвала его та брюнетка, с которой мы разговаривали перед экзаменом.

– Дальше? Ты вернешь то, что у меня взяла, воровка. – Он сделал шаг на меня.

Я рефлекторно отступила. Потому что мой инстинкт самосохранения вопил благим матом держаться от этого психа

подальше.

Вот только когда попробовала отодвинуться еще, почувствовала, что отступать некуда. Мои лопатки уперлись в холод каменной кладки стены.

– Да ничего я у тебя не брала! – рывкнула в ответ.

Я почувствовала себя загнанной в угол. А когда отступать некуда, то и терять нечего. Потому что ничего не остается. Даже страха. И у меня его не было. Только злость на блондина, который обвинял меня сейчас в том, чего я не делала.

– Да не ужели? – прорычал он, словно сдерживался из последних сил.

Его руки уперлись в стену по бокам от меня, так что я оказалась в капкане. А этот Дэниэл навис сверху.

– И что же я, по ТВОЕМУ МНЕНИЮ, у тебя взяла? – Я, сжав кулаки, вокруг которых сейчас закружилась сила, поддалась вперед, так что едва не коснулась его носа своим.

Мы стояли лицом к лицу. Адепт – чуть склонившись, я – откинув голову. И если бы взглядами можно было убивать, то мы бы давно упокоили друг друга.

Думала, что он назовет какую-нибудь внушительную сумму, заикнется о драгоценностях или раритетных артефактах...

– Мой дар, – ответ стража сумел меня удивить.

Даже подумала, что ослышалась.

– Что? – переспросила я, сморгнув.

– Мою силу, – сменив милость на гнев, гаркнул тип и,

схватив меня за плечо, тряхнул так, что я клацнула зубами.

– Да это абсолютно невозможно! – пытаюсь осмыслить услышанное, возмущилась я. – И вообще, мужиков их сила порой подводит! Чаще ночью. Но я тут ни при чем!

– Издеваешься? – процедил Дэниэл, и я увидела, как в глубине его глаз за клубилась тьма.

– Ну надо же, а ты, оказывается, даже не полный псих. Что-то адекватное в тебе есть. Сарказм, во всяком случае, отличаешь от серьезных вещей. Для того, кто несет бред, это поразительно, – язвительно отозвалась – Как ты себе вообще представляешь отнятие дара? Кроме того, что этот ритуал незаконный, для него требуется алтарь и уйма времени, если учебники истории магии не врут. – А потом добавила: – Клешню убрал!

И ударила своей ладонью, по которой струилась сырая сила, по мужской руке, что держала меня за плечо. И хотя врезала я от души, да еще и магией приложила, адепт так меня из хватки и не выпустил. Только поморщился. А потом сам медленно, напоказ разжал пальцы, сделал полшага назад и произнес:

– Я знаю, что теоретически для передачи силы нужен специальный обряд. И сила покидает мага долго, неохотно и болезненно, а он сам после этого умирает.

– Вот! – перебила я Дэниэла. – А ты жив! Это главное доказательство, что твои обвинения нелепы.

– Но как ты тогда объяснишь, что со вчерашнего вечера,

после твоего визита, у меня вместо водного дара появилось вот это...

Он раскрыл на уровне груди пальцы той самой руки, которой держал меня. И на его ладони плясало пламя... Но удивительно даже не это, а то, что... меня к нему тянуло. Оно казалось мне родным. И... мне хотелось его забрать! Потому что откуда-то я знала: этот огонь мой. И точка!

Но как такое вообще может быть? Я растерялась. Стояла, смотрела оранжевую стихию и не могла ничего понять. А потом вспомнила, что сказал профессор Силлеван о нестабильности моей магии, и...

– Какой у тебя уровень дара? – слова вырвались раньше, чем я могла понять их смысл.

– Девяносто три, – голос Дэниэла был столь холодным, что справился бы с задачей хранения продуктов лучше любого морозильного ларя. – Был.

«Примерно столько показал чаромер у меня», – пронзило молнией. А что, если... Догадка, осенившая меня, была подобна внезапному раскату грома.

– Знаешь, я, кажется, тоже могу у тебя кое-что потребовать, – перешла в наступление. – Верни мне МОЙ дар! Это ТЫ УКРАЛ мое пламя.

С этими словами я ткнула адепта пальцем в грудь, словно хотела пробить его, как кленовый лист, навывлет. Чуть ноготь не сломала. А этому типу хоть бы хны! Он медленно и выразительно перевел взгляд с моего лица на палец, который

упирались сейчас в его грудь. Дэниэл ничего не сказал, но моя рука сама собой опустилась.

– Повтори, – потребовал он...

Как мы друг друга не убили во время этого разговора, сама не понимаю. Но от магии, готовой сорваться в любой момент с наших пальцев, воздух в безлюдном коридоре звенел. И казалось, что все вокруг вот-вот полыхнет. Или затопит волной цунами.

Но все же удалось выяснить, что вчера вечером выворачивало и ломало не меня одну. Дэниэла Стила, мага, потомственного водника, тоже трясло, словно в лихорадке. А когда он наутро попробовал призвать дар, то остался без одежды. Штаны и рубашка сгорели прямо на нем.

– А я стену сегодня пробила... прямо к ректору на экзамен, – не знаю, зачем поделилась я. – Хотя и ударила по ней не так чтобы сильно...

– Не смогла управлять даром? – Дэниэл точно сформулировал то, что я чувствовала и что не могла объяснить.

– Да. Откуда...

– Потому что и мне сила сейчас подчиняется с трудом. Она словно бешеная.

– И что теперь делать? – задала я резонный вопрос, пройдя стадии принятия ситуации от «полный млин» до «ладно, млин».

– Попробовать вернуть тебе твой дар, а мне – мой, – эти слова адепта вселили в меня надежду, но то, что последовало

за ними, ее же и убило: – Только я пока понятия не имею, как это сделать.

Глава 5

– А кто имеет? – Я требовательно посмотрела на адепта. Носить в себе чужой, как выяснилось, дар, да еще такой психованный, – нет уж, спасибо. Если на замере через месяц скачки в уровне потенциала будут еще выше? Мне может грозить запечатывание дара. Или того хуже – отчисление!

– Странные у тебя приоритеты, – заметил Дэниэл, и я поняла, что последнее произнесла вслух.

– Какие уж есть. – Я демонстративно сложила руки на груди. – Тебя спросить забыла.

Этот жест не остался незамеченным. Страж криво усмехнулся и наклонился еще ниже, словно хотел меня утратить. Ха! Он еще не знал, что любая попытка меня запугать провоцирует лишь то, что приличные люди называют безумием, а неприличные... тоже примерно так же, но бранными словами.

– Не дерзи!

– А ты не дави, – прошипела я, имея в виду свое положение, когда Дэниэл буквально навис надо мной, как могильная плита над трупом.

– Интеллектом? – тут же ехидно уточнил адепт, причем таким скабрезным тоном, что захотелось его придушить. Потом воскресить и еще раз придушить.

– Ты даже знаешь, что это такое? – не осталась в долгу.

– А ты? – Он иронично приподнял бровь.

Не знаю, есть ли у стражей такой предмет, как «доведи противника до бешенства, чтоб тот психанул и умер от инсульта», но если есть, то стоявший передо мной адепт явно получил по нему высший балл.

– Язва! – выпалила я самую точную из характеристик, какую могла дать этому невыносимому стражу.

– И ты не представляешь какая, – широко улыбнувшись, словно я сказала ему изысканный комплимент, согласился этот гад.

– Прободная? – невинно уточнила и даже нашла в себе силы мило улыбнуться.

– Знаешь... – тут он на миг замолчал, а потом увидел лист заселения в общежитие, который я все еще сжимала в руке. Мгновение ока – и адепт выдернул у меня бумагу. Которую я рефлекторно отпустила, чтобы не порвать. Стаж лишь мельком глянул на сроки и издевательски, чуть нараспев произнес мое имя: – Николь... меня от того, чтобы тебя прибить, отделяет самая малость – понимание, что в таком случае мой дар уйдет в долину предков вместе с твоей душой. Но учти. Я могу и наплевать на все. Так сильно ты меня бесишь, – закончил он провокационно.

– Для тебя – Николь Роук.

– Как Николь Роук ты бесишь меня еще больше! – процедил сквозь плотно сжатые зубы Дэниэл, видимо сдерживаясь из последних сил.

Но вот странность. Я не боялась. Не знаю почему. Может, атрофировался инстинкт самосохранения. Может, потому, что сейчас в его крови бурлила моя магия и я откуда-то знала: своей истинной хозяйке она ничего не сделает. А может... Некстати вспомнился наш с Дэном вчерашний поцелуй, когда он накрыл мои губы своими губами и когда я ответила. И его прикосновения, нежные и в то же время решительные, твердые. В тот миг звуки, воздух, мир вокруг – все казалось нереальным, а кожу жгло огнем, и невозможно было оторваться. Будто я была не я. И казалось, что еще миг – и взлетишь.

Я даже мотнула головой, прогоняя непрошенные воспоминания, которые заявили в мое сознание в самый неподходящий момент. «И взлетишь...» Какая ерунда! Просто была активация дара, всплеск гормонов, эмоциональный подъем... или что там еще бывает при инициации? Да! Во всем виновата именно пробудившаяся сила. И ничего больше. И уж точно не умение этого типа с непомерно раздутым самомнением целоваться.

Меж тем этот самый тип пристально, я бы даже сказала, отчасти убийственно на меня смотрел.

– Поверь мне, в умении раздражать до тебя мне далеко. – Я попыталась выхватить лист вселения. Но куда там.

Реакция у белобрысого гада была отменная. Я еще только дернулась, а бланк уже взлетел выше моей головы, зажатый в вытянутой руке адепта.

– Отдай!

– А если нет? – нахально заявил страж.

Я стиснула зубы, давая установку: «Держись, моя многоуважаемая нервная система! Держись, сволочь этакая!»

– Ты уверен, что точно готов это узнать? – вкрадчиво поинтересовалась я.

– Поверь, я это пережи...

Он и вправду пережил. Но не совсем. Я, привыкшая к тому, что в большой семье добиваться своего порой нужно любыми способами, как и добираться до нужных вещей, просто использовала стража как лестницу. Оттолкнувшись одной ногой от пола, второй – уже в прыжке от его чуть согнутого колена, левой рукой ухватила за ворот мага и достала лист! А заодно слегка придушила стража. До легкого характерного хрипа.

Правда, финт не прошел и для меня даром.

Миг – и я оказалась впечатанной в стену и придавленной с другой стороны телом Дэниэла.

– Не советую повторять, – прошипел он.

А я подумала, что в этот миг мы были ближе, чем многие из любовников. И так думала, как оказалось через секунду, не я одна.

– Это не дом свиданий, адепт Стил! – строгий сухой голос эхом пронесся по коридору, отразившись от стен.

Страж медленно отпустил, хотя, точнее, опустил меня и отстранился. А я смогла повернуть голову и увидеть чопор-

ную строгую даму. Внутреннее чутье мне подсказывало, что она – одна из преподавателей академии.

– Магистр Морриган, прошу прощения, – по-военному отчеканил страж, – но это было не свидание.

«А всего лишь удушение», – добавила я мысленно. Только кто кого душил – это еще вопрос. У меня в легких воздуха было, мягко говоря, немного. Но и у стража на шее красовался алый след от воротника, который я сжала.

– Да? – скептически произнесла маг. – Ну-ну... Завтра на практикуме я хотела бы увидеть от вас такие же рвение и самоотдачу учебе, какие я видела только что. – И она, тонко улыбнувшись, в абсолютном молчании прошествовала мимо нас.

А по ощущениям – совсем рядом проплыла шаровая молния, которая могла жახнуть в любой миг, да так, что от нас с беловолосым гадом и пепла бы не осталось.

Я смотрела магистру вслед и, лишь когда женская фигура в мантии скрылась за поворотом, спросила, все так же продолжая пялиться в том же направлении:

– Это кто?

– Хана.

– Что за Хана? – не поняла я.

– Мне завтра хана. Как пить дать всю душу эта Смерть выпьет, – пояснил страж, а потом со злорадством добавил: – И из тебя, кстати, тоже. Могу поспорить на что угодно, профессор Морриган не только меня запомнила.

Я скривилась от этой новости, как от зубной боли.

– От тебя, адепт Дэниэл Стил, одни неприятности, – выпалила в сердцах.

– Могу то же самое сказать и о тебе, новоиспеченная адептка Роук, – не остался он в долгу. – И чем быстрее мы решим нашу общую проблему, тем быстрее избавимся друг от друга.

– Я тоже буду счастлива, когда ты исчезнешь с горизонта.

– Рад, что у нас с тобой такое крепкой взаимное чувство. Пусть и ненависти, – сверкнув улыбкой, нахально ответил беловолосый гад и, посерьезнев, добавил: – Я сегодня надеюсь в библиотеку рода. – При этих словах он скривился, словно заранее готовясь к чему-то неприятному. – И надеюсь, смогу выяснить, как так вышло, что мы обменялись даром. А завтра в полдень жду тебя у центрального фонтана. Не опаздывай.

И, не сказав, а скорее отдав приказ, он отстранился и, повернувшись, пошел прочь как ни в чем не бывало. Даже, кажется, насвистывая какой-то фривольный мотивчик. Сво-лочь!

Я еще несколько минут приходила в себя. Не столько пыталась успокоить нервы, сколько магию. Занятие оказалось непривычным и оттого сложным. Сила бушевала во мне, рвалась наружу, раскаленной штормовой волной неслась по венам. И это заставляло концентрироваться на внутренних, не самых приятных ощущениях, отринув все внешнее. Я да-

же прислонилась к холодному камню стен и стиснула зубы, делая глубокие вдохи и выдохи.

Почувствовала, как постепенно стихает буря внутри меня. И только сейчас поняла, что мне чужда эта сила. Она не вызывала у меня отклика, не наполняла эйфорией. Я терпела ее. А она – меня. Не более.

Но сколько мы сможем вот так выносить друг друга? Как бы мне ни был неприятен этот Дэниэл, в одном он оказался прав: нужно как можно скорее мне вернуть его водный дар, а ему мне – мой, огненный.

Ладно, буду разбираться с этим завтра, раз сегодня я все равно сделать с магией ничего не могу. А вот что в моих силах – это заселиться в общежитие.

Полная решимости, я направилась по коридору в противоположную сторону от той, куда ушел адепт. Поплутала я, к слову, изрядно, прежде чем нашла коменданта – грузного, крупного бородатого мужчину в годах, который смерил меня грустным взглядом.

– Они что там, издеваются? – читая формуляр, спросил он то ли у меня, то ли у мироздания. – Я этих-то еле расселил. Куда еще-то?

Я постаралась в ответ на это воззвание к небесам состроить как можно более печальное выражение лица. Круглой и абсолютно несчастной сиротинушки.

– Ты чего, больная, что ли? Аль проклятие паралича схватила? – участливо поинтересовался здоровяк, и стало понят-

но: актерского таланта у меня целая гора. Только яма.

Пришлось срочно исправляться. И признаваться:

– Разжалобить хотела.

– Да меня-то что жалобить? – усмехнулся комендант. – А то я не знаю, что не от большого богатства вы, адепты, в бесплатные корпуса заселяетесь. Это вон господа аристократы в отдельном здании шикают. У каждого свои апартаменты, отдельные, за которые и плата немалая... но ничего, сейчас что-нить придумаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.